
Философия как утопия для культуры

А. А. ГУСЕЙНОВ

Философия понимается сегодня по преимуществу как особого рода познавательное отношение к миру. Это, разумеется, верно. Философия прежде всего исследует принципиальные возможности рационального понимания мира. Этим она отличается, с одной стороны, от религии, которая апеллирует к откровению, с другой стороны, от наук, добывающих конкретное, предметно ограниченное знание. Однако философия формулирует канон разума, а не только познает мир. Она еще говорит о возможностях, пределах и путях совершенствования, идеального переустройства мира. Иногда говорят, что философия учит правильно мыслить. Моралисты говорят, что она еще учит достойно жить. И то и другое верно, но для философии не специфично. Правильно мыслить и достойно жить учит не только философия: например, наряду с философской логикой есть математическая логика, наряду с философской этикой существуют разные формы практического морализирования. Философия – и это, пожалуй, делает только она – соединяет одно с другим. Она учит достойной жизни в пределах и средствами правильной мысли.

Буквальное значение слова "философия" знают все: любовь к мудрости. Но мало кто, в том числе и из тех, которые проходят по ведомству философии, задумываются над его обзывающим смыслом. Почему, собственно, предметную область философии составляет любовь к мудрости, а не сама мудрость, как полагали первые воспитатели Эллады, за которыми закрепилось имя "Семи мудрецов", и те острые на ум, решительные учителя добродетели, которые самоуверенно называли себя софистами? Это объяснялось не просто стремлением быть более строгим в словах и еще меньше человеческой скромностью философов. Речь шла об ином понимании самого рода деятельности. Считалось, что мудрость есть свойство и состояние богов. Человеку же дано только любить ее, избрав в качестве высшего и недосягаемого жизненного ориентира. Мудрость есть не только то, что философ стремится понять. Она есть также то, к чему он тянется, что составляет его страсть.

Философы, появившиеся в VI–V вв. до н.э. в греческих городах, с самого начала воспринимались окружающими как люди чудные, странные. И странность их состояла не просто в том, что они интересовались вещами далекими и невидимыми, например, их очень волновали небесные дела, или еще, им мало было видеть прекрасные предметы, им хотелось знать, что такое прекрасное само по себе. Странность их заключалась в ином: вещи далекие и невидимые значили для них больше, чем близкие и зримые. Философы исходили из другого порядка ценностей, несли другой строй жиз-

ни. Философствовать – значит учиться умирать, говорил Платон. Учиться умирать значило для него учиться отделять душу от тела и жить потребностями бессмертной души. Словом, философия больше, чем определенный род знания. Она есть в то же время определенный образ жизни. Среди мотивов, которые вызвали к жизни философию и составляют ее внутреннюю движущую силу, исключительно важную и незаменимую роль играет моральный пафос совершенной жизни.

Свообразие философии как рода познания заключается в том, что в ней эпистемологический акт становится одновременно этическим действием. Она показывает, как мысль связана со смыслом, переходит в смысл и зависит от него. Имея в виду это единство гносеологии и этики, философию можно определить как своеобразную утопию культуры.

I

Говоря о философии как утопии культуры, следует отметить два аспекта: общеметодологический и этический.

Общеметодологический или теоретический статус философии в существенной мере определяется тем, что она конструирует некий идеальный образ мира, который является пространством культуры в целом и внутри которого культура расчленяется на различные формы. В этом смысле она задает интеллектуально-духовную перспективу культуры. Разумно-целесообразный характер человеческой деятельности предполагает не просто и не только общие представления о мире, в котором эта деятельность протекает. Он предполагает также в качестве своей предпосылки идеально-завершенный образ мира, который придаст миру внутреннюю цельность. Каждая конкретная форма культуры протекает в своем искусственно заданном пространстве: драма – в пространстве театра, наука – в пространстве лаборатории, спорт – в пространстве стадиона и т.д. Помимо этих конкретных пространств и поверх них для культуры в целом нужно пространство осмыслинной деятельности. Это пространство задается философией. Философия ограничивает деятельность пределами разума и фокусирует ее на такую высоту, которая может быть аргументирована в качестве высшей, совершенной. После того как философы "учредили" космос, установив, что мир представляет собой упорядоченное, гармоничное и неуничтожимое целое, они провели два принципиальных расчленения. Во-первых, они отделили неизменную закономерную сущность мира ("воду", "логос", "единое" и т.д.) от его поверхности, изменчивых, преходящих явлений, т.е. то, что мыслится, от того, что минется. Во-вторых, они выделили область человеческого произвола (сферу нравов, обычая, других человеческих установлений), т.е. то, что зависит от самого человека и имеет вариативную природу, в отличие от того, что происходит неотвратимо и однозначно. Благодаря этим расчленениям, наряду с необходимостью природы, поверх и сквозь нее была выделена область свободы как область полновластия человека, позволяющая ему задать своей жизни тот смысл, который он находит разумным и наилучшим.

Философия задает пространство разумного человеческого существования тем, что она отвечает на вопрос, каким бы был мир, если бы он был специально создан для этой цели. Она создает (конструирует) идеальный образ мира, скроенного по меркам человеческого разума. Тем самым она задает параметры разумного, осознанного человеческого существования, являющегося одновременно ответственным существованием, т.е. существованием, за которое человек отдает себе отчет и готов держать ответ. Ясно, что такой образ мира может быть утопическим. В этом смысле всякая философия есть утопия.

Философия задает утопические координаты культуры не тогда, когда она формулирует утопии в собственном (узком) смысле слова, описывая, каким ей видится будущее. Философы могут и не заниматься такого рода утопиями, кроме того, не только философы, а в наше время – как правило, не философы увлекаются ими. Философы создают свои утопии тогда, когда формулируют основоположения своих учений, систем. К примеру, Платон утопчен не тогда, когда он изображает идеальные состояния общества и пишет "Го-

сударство". Прежде всего, он утопичен в учении об идеях. Ведь теория идей – не только онтологическая конструкция, претендующая на адекватное (истинное) познание мира, но и этическая программа возвышения к подлинному, прекрасному и благому.

Вот Спиноза говорит о субстанции с бесконечным числом атрибутов, из которых мы знаем только два. Лейбниц создает свою монадологию. Кант за феноменальным миром усматривает иоуменальный мир. У Гегеля абсолютная идея железной поступью идет к самой себе. Разве все это не утопические конструкты?! Ибо кто видел монады, субстанцию, вещи в себе, абсолютную идею?! И в то же время, разве они не создают в каждом отдельном случае целый образ мира, не замыкают пространство сознания таким образом, чтобы человек мог чувствовать себя уверенно, защищенно, чтобы он мог осмысленно развивать свои возможности? Философия не ограничивается просто конструированием идеальной модели мира. Она доводит свое понимание мира до формулирования абсолютных оснований человеческого поведения, которые, как правило, самими философами воспринимаются в их нравственном обязывающем смысле. Ответ на вопрос "Что я должен делать?", где под "я" понимается тот, кто задает вопрос, входит в специфическую предметность философии. Ответ этот прямо соотнесен с конструируемым философий идеальным образом мира – соотнесен таким образом, что его можно считать следствием в такой же мере, в какой и причиной. Философские образы мира рождаются не просто желательное будущее, а непременно действенное будущее, которое выступает как моральный проект, перспектива разумного существования.

Томас Мор мыслил утопию в качестве острова. Философия изображает саму вселенную в качестве такого острова. Гегель говорил, что философия вырастает из противоречия, разрыва между внутренним стремлением и внешней действительностью. Она, считал он, ищет прибежище в области мысли. В противовес действительному миру, который не удовлетворяет человека, философия мысленно конструирует некое идеальное царство, построенное на других эпистемологических и ценностных основаниях, которые дают человеку новые надежды и открывают перед ним новые перспективы. Сегодня это верно так же, как и даже в большей мере чем 2600 лет назад, когда возникающая философия "учредила" космос вместо хаоса и стала искать его элементарную, всепроникающую и упорядочивающую основу.

Рассмотренная в практическом аспекте философия выступает как путь, который идет к нравственному совершенству человека и общества. Понимание мира она доводит до формулирования программ добродетельной жизни. Еще в древности сложилось представление о философии как единстве трех частей (аспектов): логики, физики, этики. Этика при этом в большинстве случаев выступает как организующий центр и конечная цель, ради которой существуют две другие части. С тех пор структура философии усложнилась, тематика расширилась. Тем не менее деление на эти три части сохраняет силу основополагающей структуры философии.

Разрабатывая свои учения, доводя их до этических программ, философы решали также индивидуальные задачи собственного нравственного совершенствования. Они рассматривали свои учения в их нравственном обязывающем значении. Особое место философии в культуре определяется тем, что она культивирует в качестве достойного образ жизни, ориентированный на интеллектуально-духовные ценности. У Гераклита есть фрагмент (№ 15 в собрании M. Marcovich, № 101 у H. Diels), который звучит так: "Я искал самого себя". Разве не то же самое говорит Хайдеггер (в интервью 1969 г.), когда он на вопрос о том, что представляет собой философия, ответил: "Это одна из редких возможностей автономного и творческого существования"!?

II

Итак, философия призвана сконструировать идеальный образ мира и идеальный способ существования в нем. Исторические образы философии, прежде всего ее качественно различные стадии – Древность, Средние века, Новое время – в существенной мере определяются тем, как она решала эти задачи, какие утопии, какие сверхцели она предлагала людям.

Античные философы исходили из убеждения, что человеческое совершенство достигается через посредство философии. В большинстве случаев они в самой философии как созерцательной деятельности видели высшую форму человеческого счастья. Была ли на самом деле философия в древности цементирующей основой общественного сознания или нет, соответствуют ли наши оценки тех или иных мыслителей тому, как они воспринимались современниками, – открытый вопрос. Как бы то ни было, одно остается бесспорным: сама философия мыслила себя как высшее средоточие духовных усилий, направленных на то, чтобы придать человеческому существованию совершенный смысл. И это – не самомнение философии. Это – ее функция, предназначение. Она для этого возникла. Появление слова "философия" традиция связывает с именем Пифагора. К нему же восходит классическое представление о трех образах жизни – чувственном, деятельном, созерцательном. Иллюстрируя их различие, пифагорейцы говорили, что на олимпийские игры приходят одни, чтобы что-нибудь купить и продать, другие – чтобы принять участие в состязаниях, третья – чтобы посмотреть. Третья суть философы, они культивируют особый – созерцательный, теоретический, духовный – образ жизни. Философы открыли новое измерение человеческого счастья. Когда Сократ объяснял афинянам во время суда, почему ставит под сомнение привычные формы жизни, он говорил, что не может иначе, что он чувствует себя призванным к этому, словно его "бог поставил в строй". Нравственно-очистительный пафос присущ всем философским учениям Древности, но, пожалуй, полней, последовательней, очевидней всего он воплотился в неоплатонизме. Плотин предложил такую многоступенчатую картину восхождения (возвращения) людей к божественным высотам Единого, последним звеном которого является его собственная философия. Философия не просто указывает путь спасения, она сама есть этот путь. В последующие эпохи, как мы увидим, философия умерила свои амбиции и в том, что касается возможностей нравственного возвышения, не претендовала на первые роли и магистральные пути. Это случится в последующие эпохи. В античности же она уверена в исключительности и единственности своей освободительной миссии.

Древние, как я уже упоминал, предложили трехчастную структуру философии, включив в нее этику (наряду с физикой и логикой) в качестве обязательной и существенной части. Теперь следует добавить: этика была для них больше, чем часть (спектр) философии, она – ее фокус, конечная цель, лучшее из всего, что в ней есть. Когда они сравнивали философию с яйцом, этика отождествлялась с желтком, физика – с белком, логика – со скорлупой. Когда они сравнивали ее с телом, то этика была сердцем, физика – плотью, логика – костной системой. Когда они пользовались в качестве аналогии образом сада, то в роли этики выступали плоды, в роли физики – деревья, в роли ограды – логика. Какие замечательные аналогии! Этика – центр философии, имея в виду под центром точку, в которую она метит. Она – ее итог, завершение. Философия сама становится этикой, трансформируется в этику. Это происходит таким образом, что философское познание мира, реализуемое через физику и логику, оказывается душевным преобразованием человека, который таким образом обретает мудрость, максимально приближаются к ней.

В Средние века философия существует в непосредственной соотнесенности с теологией, в паре с ней. Место философии в средневековой культуре, а в значительной мере и духовный строй последней, обычно определяется формулой: "Философия – служанка богословия". Здесь подчеркивается унижение, даже двойное унижение философии – и то, что она сброшена с царского престола, и то, что низведена до роли – быть в услужении именно у богословия. Это, однако, не вся истина. Понятно, зачем богословию понадобились услуги философии. Оно нуждалось в них, чтобы укоренить религиозное мировоззрение в головах людей, подкрепить открытие аргументами разума. А почему философия согласилась на этот неравный брак?

Философия через религию заполнила образовавшуюся в ее "космосе" моральную пустоту. Христианская утопия небесного царства в соединении с церковной организацией повседневности в плане нравственного ориентирования жизни оказались более

реалистичными и действенными, чем то, что предлагала философия. Последняя, лишенная достоинства совершенной формы моральной практики, оказалась дезориентированной. Вместе с этической функцией она лишилась основы, вдохновлявшей ее интеллектуально-познавательные усилия. Пафос истины поддерживается жаром морального пафоса. Поэтому в условиях разрыва между ними философия могла существовать только в соединении с религией. За философией сохранилась познавательная функция, она была редуцирована к логике и физике, а этическая функция отошла к религии. Так как, однако, философия включает в себя этику как неотъемлемую свою часть, то можно сказать, что религия, поскольку она является носителем морального идеала, выступает как необходимое ее дополнение.

Философия и религия в рамках того распределения ролей, которое было типично для средневековья, образуют как бы единый познавательно-этический конструкт. Теология была утопическим продолжением философии. Теология взяла на себя ответственность за всю ту проблематику, которая определяла моральный пафос и цели философии. Философия ограничила свои задачи техникой мышления. Это был некий единый духовный комплекс, в котором вопросы о смысле и целях деятельности стали компетенцией теологии, а вопросы о доступных человеку средствах их достижения – компетенцией философии.

Существенное изменение, которое претерпела философия в Новое время, предопределило ее историческое своеобразие: она эмансилировалась от богословия и религии и вступила в союз с нарождающейся наукой. Философия в значительной мере способствовала становлению науки Нового времени и ее высочайшему престижу в системе общественных ценностей. Меру эту, конечно, никто точно определить не может, однако совершенно очевидно: философия была необходимым элементом в системе факторов, ответственных за доминирование науки в обществе. Философия сформулировала три фундаментальные идеи, открывшие эру науки: а) идею самодостаточности природы; б) идею научного метода как всеобщего пути к знанию; в) идею научного технического и общественного прогресса, способного реализовать неограниченные возможности человека.

Согласно установившимся представлениям, философия взаимодействует с наукой по линиям онтологии и методологии познания. Это утверждение не вызывает сомнения, за ним стоят серьезные и глубокие исследования. Оно, однако, не является исчерпывающим. Я бы даже сказал, оно не выявляет всей специфики союза философии и науки в том виде, в каком он сложился в Новое время. Философия и до этого дружила с наукой. Философские и естественно-научные картины мира, как правило, составляли неразрывное целое. Философия всегда ориентировалась на доказательное знание – на фактическую достоверность и логическую принудительность суждений. Начиная с Фалеса, этого Адама европейской мысли, довольно типичным было сочетание в одном лице ученого и философа. Философия традиционно считалась синонимом теоретического знания, а философские факультеты вплоть до XVII столетия включали в свои программы естественно-научные и математические дисциплины. Она ведь и возникает как натурфилософия. С зарождением современных наук, отделившихся от философии, опирающихся на собственные экспериментальные и теоретические основания, ситуация, разумеется, стала иной. Качественно иной. Философия оказалась перед лицом новых вызовов, проблем и трудностей. Тем не менее они не касались самой приверженности философии идеалу научности.

Философская санкция науки как единственно надежного способа познания имела огромное значение и для самосознания философии и для самосознания науки, а еще больше – для союза между ними. Философию и науку, несомненно, объединял и объединяет пафос истины. Но не только. Есть еще один исключительно важный аспект, который часто упускается из виду. Наряду с тем и в продолжении того, что науканесла свет знания, она одновременно заявила себя и воспринималась в качестве силы, способной преобразовать мир – преобразовать его таким образом, чтобы люди смогли реализовать, предметно воплотить свое стремление к совершенной и счастливой жизни. Именно это решающим образом предопределило ее доминирующее положе-

ние в общественном сознании. Она заняла в новоевропейской цивилизации положение, аналогичное тому, какое занимала религия в традиционном обществе. И случилось это по той же самой причине: наука перехватила у религии функцию нравственно возвышающий силы, предложив для этого прямо противоположный путь. Вместо рая на небе обещала рай на земле. Теперь философия пошла в услужение к науке и, кажется, сделала это более последовательно и охотно, чем тогда, когда она служила теологии. Во всяком случае средневековые философы не писали своих сочинений в форме катехизисов, в отличие от философов Нового времени, которые, случалось, строили свои труды по математическим образцам.

Сказано: познайте истину и истина освободит вас. Сказано в другое время, по другому поводу. Но утверждение это в полной мере относится к общественным ожиданиям, которые Новое время связывало с наукой и которые воплотились в ее философском образе. Согласно этому образу, наука есть знание, и в качестве знания она есть сила. Ее итогом является не созерцание вечных сущностей, как то полагала древняя философия, а счастливым образом преследованный и преуспевающий мир. Для понимания нового канона ценностей и нового типа связи философии и науки показательной, на мой взгляд, является фигура Ф. Бэкона – этого признанного родоначальника духовности Нового времени. Бэкон написал "Новый органон", в котором он стартому аристотелевскому Органону, служившему опорой средневековой схоластики, противопоставил новый метод опытного естествознания. И он же написал "Новую Атлантиду", где изобразил счастливое существование в условиях технически преобразованного мира. У Бэкона, как у каждого из нас, было две руки, но эти произведения – "Новый органон" и "Новую Атлантиду" – он писал одной и той же рукой. Кстати заметить, духовно-освободительные проекты русского космизма как, например, воскрешение предков Н.Ф. Федорова или обживание планет К.Э. Циолковского, хотя и несли на себе следы времени и национального менталитета, тем не менее по сути своей были выражением того же убеждения и настроения, которые двигали Ф. Бэкона и другими основоположниками философии и науки Нового времени. Словом, философия предложила людям научный метод, науку, преобразование жизни по канонам науки как новую утопию, путь в страну счастья.

Сегодняшняя ситуация в философии, говоря точнее, духовная ситуация эпохи в целом определяется следующим фундаментальным фактом. Научно-технический прогресс и научно-ориентированные социальные преобразования достигли таких успехов, о которых прежде, даже 100–200 лет назад, не могли и мечтать. Они превзошли все ожидания философов. Но они не привели к земному раю, к совершенствованному состоянию, на которое уповала философия. Более того, воплотившаяся утопия обернулась антиутопией.

Проблема, перед которой стоит философия, – та же самая, перед которой стоит современное общество. У них нет идеальной перспективы. Нет некоего вечнохватывающего, философски осмысленного и аргументированного идеала в качестве перспективы, вдохновляющей практические усилия по совершенствованию форм жизни. Старая утопия, делавшая ставку на счастливое преображение мира через посредство науки и техники, потерпела крах. Новая утопия не выработана. Складывается впечатление, что общество собирается привыкать к укороченности и несовершенству земного существования, а философия – обходиться без метафизики и прорыва к трансценденции. Возможно ли это, есть ли место для философии в мире, который не собирается быть совершенным, в котором нет места утопии? И может ли сама философия оставаться плодоносной, если она отказывается от конструирования идеальных моделей человека и мира? Можно предположить, что именно в этом, в отказе от утопий, в утрате морально-возвышающего пафоса заключается кризис современной философии. Сам факт этого кризиса косвенно подтверждает мысль, согласно которой жизненность философии заключается в сверхжизненности ее духовных конструкций. Вопрос о будущем философии есть вопрос, о ее способности снова открыть это будущее – сформулировать новые идеалы, новую утопию.